

Цзиньчжун, изобразив на лице полуулыбку, посмотрел на него:

— Слышал, ты в последнее время неплохо заработал.

Цзян Чжихэн горько усмехнулся:

— Да разве это заработок? Так, мелочи, да и делиться приходится с другими, что там остается-то.

Цзиньчжун кивнул:

— И то верно. Деньги нынче зарабатывать трудно, так что главное — добросовестно исполнять свои обязанности.

Цзян Чжихэн согласно кивнул и добавил:

— Несколько дней назад, когда я был во Внутреннем ведомстве, кое-что услышал.

Цзиньчжун с сомнением посмотрел на Цзян Чжихэна, но, увидев, что тот ведет себя загадочно, наклонился ближе. Пошептавшись немного, Цзиньчжун задумался, а затем повернулся и спросил:

— Это правда, что именно избранная госпожа Мэй всё подстроила?

Цзян Чжихэн заглянул ему прямо в глаза и, криво усмехнувшись, ответил:

— Этого я знать не могу. Сяо Люцзы просто видел, как Сяо Чуаньцзы передал ей шкатулку, и слышал, что это порошок «Белый цветок».

Цзиньчжун кивнул, слегка откинувшись назад, и небрежно произнес:

— Я понял. Об этом деле помалкивай, а то ненароком головы лишишься.

Цзян Чжихэн так же небрежно улыбнулся:

— Это я и сам понимаю. Решил рассказать тебе, чтобы ты чего лишнего не сболтнул.

Цзиньчжун нахмурился, выражая недовольство:

— Ты думаешь, я могу сказать что-то не то?

Цзян Чжихэн тут же сложил руки в извинительном жесте:

— Ни в коем случае, это я не подумал, прошу прощения.

Цзиньчжун снова улыбнулся и отмахнулся:

— Ладно, раз уж ты прибежал сообщить мне эту новость, я запомню.

Цзян Чжихэн не стал говорить Цзиньчжуну, что за спиной избранной госпожи Мэй, скорее всего, стоит вдовствующая императрица. Сейчас их отношения строились на взаимной выгоде, и Цзян Чжихэн, разумеется, не собирался выкладывать всё начистоту.

На следующий день, сменившись с дежурства, Цзян Чжихэн вернулся в боковые флигели отдохнуть и услышал разговор двух людей за дверью:

— Кто это там только что на коленях стоял?

— Не разглядел, но точно из залы Янсиндянь.

— Вот глупость, конечно из залы Янсиндянь, кто еще может стоять на коленях у входа в залу Янсиндянь?

Цзян Чжихэн немного поразмыслил и вышел наружу. Проходя мимо ворот Цзуньи, он увидел Цзиньчжуна, стоявшего на коленях у стены ворот Янсинь. Тот был обращен лицом к воротам Цзуньи, опустив голову, и не двигался.

Как раз в этот момент из залы Янсиндянь вышел евнух, и Цзян Чжихэн, улыбнувшись, преградил ему путь:

— Братец, видел, у вас там человек на коленях стоит, что случилось?

Тот окинул Цзян Чжихэна взглядом и усмехнулся:

— Любопытно стало?

Цзян Чжихэн улыбнулся и незаметно вложил ему в руку серебряную монету:

— И правда любопытно. Редко увидишь, чтобы евнухи стояли на коленях прямо у ворот залы Янсиндянь.

Евнух пощупал серебро, спрятал за пояс и небрежно ответил:

— Да это Цзиньчжун: работал невнимательно, вот заместитель управляющего Ван его и наказал.

Почувствовав, что ответ не стоит полученного серебра, он добавил шепотом:

— На самом деле, его просто невзлюбили. Кто из служащих при Его Величестве осмелится работать невнимательно? Сам понимаешь, верно?

Цзян Чжихэн понимающе кивнул:

— Понятно. Благодарю, братец.

Тот похлопал себя по поясу, где лежало серебро, улыбнулся и пошел дальше.

Цзян Чжихэн перестал улыбаться, немного подумал и вернулся в боковые флигели. Вечером он пришел к дверям служебных помещений залы Янсиндянь и спустя некоторое время увидел фигуру, которая, прихрамывая, медленно приближалась.

Когда человек подошел ближе, Цзян Чжихэн узнал Цзиньчжуна и поспешил на помощь, чтобы поддержать его. Цзиньчжун, преодолевая боль, направлялся к флигелям, поэтому, когда кто-то внезапно выскочил и подхватил его под руки, он вздрогнул от испуга. Увидев, что это Цзян Чжихэн, он немного расслабился.

— Ты что здесь делаешь?

Цзян Чжихэн помог ему войти во двор и тихо сказал:

— Слышал, что тебя наказали, вот решил дожждаться.

Цзиньчжун усмехнулся:

— Пришел посмеяться надо мной?

Цзян Чжихэн вздохнул:

— Неужели я не могу просто проявить заботу? Мы ведь почти год как знакомы.

Цзиньчжун без стеснения оперся на Цзян Чжихэна, но при этом проворчал:

— Не говори мне про знакомство. Те, кто поступил во дворец вместе со мной и жил в одной комнате, и то не спросили, как я.

Цзян Чжихэн не стал спорить и помог ему войти в боковой флигель. Поскольку там были общие нары, а все остальные, должно быть, еще несли службу, внутри было пусто.

Войдя, Цзиньчжун легонько оттолкнул Цзян Чжихэна:

— Уже поздно, уходи скорее, а то если увидит управляющий, еще и тебя накажет.

Цзян Чжихэн помог ему присесть на край кан:

— Наш Евнух Ли человек неплохой, из-за этого наказывать не станет.

Цзиньчжун посмотрел на него:

— Ладно, ступай, отдохну немного — и пройдет.

Цзян Чжихэн удивился:

— А мазью пользоваться не будешь?

Цзиньчжун равнодушно отмахнулся:

— Какая там мазь? Просто не уследил за наложницей Хай, позволил ей войти в залу, а такое случается сплошь и рядом, раз в три-пять дней. Мазь дорогая, отлежусь пару дней — и само пройдет.

Цзян Чжихэн тяжело вздохнул, достал из-за пазухи баночку с мазью и протянул Цзиньчжуну:

— У меня только эта осталась, забирай.

Сказав это, он вышел из флигеля. Цзиньчжун сжимал в руках баночку и смотрел вслед уходящему Цзян Чжихэну, о чем-то глубоко задумавшись.

На следующий день, сменившись с дежурства, Цзян Чжихэн вернулся в боковые флигели и увидел, что Сяо Люцзы сидит в унынии, сжимая в руках флакон с маслом для волос.

— Что случилось? Разве сегодня вечером не ваша очередь дежурить? Почему не спишь?

Сяо Люцзы вздохнул, глядя на масло:

— Это последний флакон. Его должен был забрать Маньцзы из Императорской врачебной палаты. Я специально принес его, когда сегодня ходил во внутренний дворец относить лекарственные травы, а он вдруг отказался.

Цзян Чжихэн удивился:

— Раз отказался, так отказался, мало ли кто еще закажет на следующий месяц?

Сяо Люцзы понурил голову:

— Я с ним уже несколько раз виделся, обычно мы всегда шутили и смеялись, а сегодня он был бледный как полотно. Спросил, что случилось, а он твердит, что не болен.

Цзян Чжихэн не совсем понял:

— К чему ты клонишь?

Сяо Люцзы придвинулся к нему ближе и прошептал:

— Слышал, наложница Сянь расследует дело избранной госпожи Мэй. В Императорской медицинской палате уже несколько раз проводили допросы, вероятно, хотят свалить всю вину на Маньцзы.

Услышав это, Цзян Чжихэн наконец понял. Сяо Люцзы думал, что виновными хотят сделать врачей, но Цзян Чжихэн прекрасно понимал: это избранная госпожа Мэй использует Маньцзы как козла отпущения.

В душе Цзян Чжихэн осознал: у избранной госпожи Мэй, бывшей певички из Южного ведомства, не могло быть таких связей, а значит, Маньцзы определенно был человеком вдовствующей императрицы.

<http://bllate.org/book/21834/2261959>